

Е Сянь положил трубку, взял термос и направился в палату Тан Чжи. Перед тем как войти, он на несколько секунд замер, сжимая ручку двери, сделал несколько глубоких вдохов, стараясь успокоиться.

Тан Чжи ел с большим аппетитом, и вскоре от бульона, приготовленного Е Сянем, не осталось и следа.

После болезни Тан Чжи Е Сянь вдруг стал привередничать в еде — ему везде чудилось, что вне дома готовят недостаточно чисто. В итоге он закупил кучу кулинарных книг и с головой ушёл в готовку. Однако вскоре выяснилось, что жарка — это не для него. Как только масло на сковороде начинало шипеть, всякая решимость покидала его, и каждый раз требовалась недюжинная сила воли, чтобы бросить в раскалённое масло овощи.

А тот самый звук, с которым влага из продуктов встречалась с кипящим маслом, заставлял его сердце бешено колотиться ещё долгое время после. В итоге Е Сянь махнул рукой на жарку и сосредоточился на супах и прочих блюдах, не требующих подобных подвигов. И надо отдать ему должное — прогресс был налицо. О прежнем принципе «джентльмен держится подальше от кухни» не было и речи.

Теперь его главным принципом стало: чтобы Тан Чжи ел с удовольствием и без опаски.

Хм, выходит, у него талант быть... образцовой супругой?

Тьфу, нет! Это Тан Чжи у него талант быть супругой!

Допив бульон, Тан Чжи уставился на Е Сяня, у которого на лице явственно читалась внутренняя борьба, и вопросительно приподнял бровь.

Е Сянь и вправду метался. Решение сказать правду было принято, но теперь, глядя на Тан Чжи, он снова засомневался. Опустив взгляд и встретившись с пристальным взглядом Тан Чжи, он глубоко вздохнул.

— Тан Чжи, мне нужно тебе кое-что сказать.

— Говори, — Тан Чжи приготовился слушать.

— Ты... возможно, никогда больше не сможешь ходить, — выпалил Е Сянь и уставился на Тан Чжи, стараясь уловить малейшую эмоцию. Но лицо того оставалось невозмутимым.

— Тан Чжи, ты как? — спросил Е Сянь и тут же мысленно себя ударил. Конечно же, не «как».

Сейчас ему особенно не нравилось это умение Тан Чжи — скрывать все чувства за каменной маской.

На самом деле Тан Чжи уже допускал такой исход и морально готовился к нему. Но когда приговор прозвучал вслух, острая боль всё же пронзила его на мгновение. Очнувшись, он увидел, как Е Сянь смотрит на него с таким страданием, что невольно улыбнулся.

— Всё в порядке. Я обменял ноги на жизнь. Могу продолжать смотреть на тебя, быть с тобой. Это куда важнее, — Тан Чжи лишь пожалел, что сейчас не может протянуть руку и притянуть Е Сяня к себе, а вынужден просто лежать и смотреть.

— Правда? Ты действительно так думаешь? — в голосе Е Сяня послышалась дрожь.

— Правда. Или... ты больше не хочешь быть со мной? — Тан Чжи сделал печальное лицо.

Е Сянь выдавил улыбку и легонько шлёпнул его по груди:

— Что за ерунду ты несёшь? Как я могу тебя бросить? Я, Е Сянь, раз сказал — значит, навсегда. И вообще, я тоже считаю, что пара ног — небольшая цена за твою жизнь. Ты остался со мной, и этого достаточно.

— Эх, — вздохнул Тан Чжи. Е Сянь тут же встревожился, но Тан Чжи лишь улыбнулся. — Жаль, что сейчас не могу обнять тебя. Так хочется тебя поцеловать.

Е Сянь на секунду замер, затем наклонился и коснулся его губ своими, а подняв голову, широко улыбнулся. Сначала поцелуи с мужчиной казались ему странными, но он быстро привык. Тан Чжи был не «кем-то». Он был его самым близким человеком. Что тут может быть непривычного?

Глядя на его улыбку, Тан Чжи тоже расплылся в улыбке. Он обожал, когда Е Сянь улыбался. Эта улыбка заставляла забывать обо всём плохом.

— Кстати, что хочешь на ужин? Приготовлю, — Е Сянь придвинул стул и сел.

— Всё, что ты приготовишь, буду есть с удовольствием, — ответил Тан Чжи.

— Знаю я тебя, сладкоежка, — Е Сянь покосился на него, но было видно, что комплимент пришёлся ему по душе. Счастье так и светилось на его лице. В новую роль он входил стремительно.

— Да не! — запротестовал Тан Чжи. — Я вообще не умею красиво говорить.

Е Сянь с фальшивым недовольством ущипнул его за высокий нос:

— Если уж юрист не умеет говорить, то кто тогда умеет?

Тан Чжи сморщил нос и с подкупающей искренностью произнёс:

— С тобой я говорю без всяких прикрас. Не умею я сочинять сладкие речи. Зато каждое моё слово — правда.

— Хм, — фыркнул Е Сянь, забрал руку и пошёл мыть фрукты. В ванной он поймал своё отражение в зеркале — щёки горели. Неужели Тан Чжи не понимал, что именно такие, неприукрашенные слова и были самыми сладкими?

От друзей до влюблённых — переход оказался на удивление естественным.

Наблюдая, как Е Сянь хлопчет, Тан Чжи не сводил с него улыбающегося взгляда. Но за улыбкой скрывалась горечь. Если он действительно больше не встанет... как же он будет обнимать Е Сяня? Сжимать его в объятиях? Он не мог смириться с этой мыслью.

Вернувшись с фруктами, Е Сянь поставил тарелку на тумбочку и снова скрылся в ванной, чтобы вернуться с тазом горячей воды и полотенцем на плече.

— Ты уже несколько дней как лежишь, не мылся. Давай я тебя оботру, — Е Сянь поставил таз на пол, намочил полотенце и вдруг спохватился: Тан Чжи всё ещё в больничной пижаме. «И в кого я такой бестолковый?» — мысленно выругался он.

Он сунул полотенце обратно в таз и принялся расстёгивать пуговицы на пижаме.

— Чего уставился? — Е Сянь только взялся за первую пуговицу, как заметил пристальный взгляд Тан Чжи, и почувствовал, как кровь ударила в лицо. Чёрт возьми, стали парой — и всё пошло наперекосяк. Вместе голышом бегали, друг друга насквозь знают, а тут расстёгиваешь пуговицу — и будто в первый раз.

— Любуюсь своим красавчиком, — невозмутимо ответил Тан Чжи.

— Какой там красавчик? — буркнул Е Сянь, расстёгивая пуговицу.

— Самый что ни на есть. Глаза — на месте, нос — тоже, — в глазах Тан Чжи заплясали весёлые искорки. Е Сянь в ответ легонько шлёпнул его по груди.

— А у тебя, значит, глаза не на месте? Кто так комплименты делает! — притворно возмутился он.

— Ха-ха-ха! Вот теперь и знаешь, — рассмеялся Тан Чжи, его грудь слегка вздрогнула, и Е Сянь почувствовал это под ладонью. Этот мужчина был жив. Он был здесь, рядом. Мог смеяться, мог радовать его, мог огорчать. Потерять ноги? Пусть. Главное — он здесь. Всё остальное — ерунда.

Е Сянь расстегнул пижаму до конца, обнажив торс. Руки и ноги были в гипсе, так что пижамные штаны пока трогать не пришлось. Он взял тёплое влажное полотенце и начал осторожно обтирать тело.

Тан Чжи всегда следил за собой, так что грудные мышцы, пресс, всё было на месте. Е Сянь мельком оценил собственную форму — тоже ничего, хоть и не так рельефно, но пресс же есть.

На смуглой коже осталось множество ссадин и царапин, но по сравнению со сломанными костями — сущие пустяки. Е Сянь осторожно проводил полотенцем по уже зажившим ранкам, но они всё ещё красноречиво говорили о том, каким серьёзным было то столкновение. Образ Тан Чжи, всего в крови, до сих пор стоял у него перед глазами.

Тан Чжи смотрел, как Е Сянь, сосредоточенно нахмурившись, заботливо обтирает его тело, как в его глазах читается боль, и сердце его переполнилось нежностью.

Никогда не думал, что после его пробуждения Е Сянь... согласится быть с ним. Что будет из-за него плакать.

Его Е Сянь...

Тщательно обтерев грудь и живот, Е Сянь опустил взгляд ниже.

Эм... А вот это как? Просто снять и протереть? И откуда взялось это дурацкое смущение?

Е Сянь вдруг фыркнул и поднял глаза на Тан Чжи, который смотрел на него с немим вопросом.

— Никак не пойму, — честно признался Е Сянь. — Мы же с пелёнок вместе. Видели друг друга голыми сто тысяч раз. С чего это мне вдруг стало неловко?

Тан Чжи сделал вид, что задумался. — Наверное, потому что теперь ты мой. Отношения-то другие стали.

— А тебе, когда на меня смотришь, тоже неловко? — поинтересовался Е Сянь.

— Мне просто трудно сдерживаться.

...

В торговом центре города А появился привлекательный молодой человек. Это был Е Сянь. Если ранее появление Тан Чжи за покупками вызвало небольшой ажиотаж, то теперь Е Сянь пришёл за продуктами в компании Цзэн Кэ и её маленькой дочки.

Всё потому, что, навестив Тан Чжи и услышав, что Е Сянь собирается в магазин, Цзэн Кэ тут же вызвалась составить компанию — мол, тоже хочет поучиться быть хорошей женой. Какая, к чёрту, жена! Он же мужчина!

— Так ты говорила, хочешь быть хорошей женой, — с фальшивым укором сказал Е Сянь, — а сама только и делаешь, что таскаешь за мной мою крёстную дочку?

<http://bllate.org/book/16263/1463441>